

№ 33 ВАЛДАЙСКИЕ ЗАПИСКИ

Ноябрь, 2015

СТРАШНЫЙ СОН ГЕНРИ КИССИНДЖЕРА: ТРЕУГОЛЬНИК США–КИТАЙ–РОССИЯ МЕНЯЕТ ПРАВИЛА ИГРЫ*

Мэтью Берроуз
Роберт Мэннинг

Об авторах:

Мэтью Берроуз

Директор Инициативы стратегического прогнозирования при Атлантическом совете, США

Роберт Мэннинг

Старший научный сотрудник Атлантического совета, США

** Данная статья представляет собой обновленную и расширенную версию статьи по аналогичной тематике, которая была опубликована в журнале The National Interest
<http://nationalinterest.org/feature/americas-worst-nightmare-russia-china-are-getting-closer-13661>.*

В 1971 году президент США Ричард Никсон и госсекретарь Генри Киссинджер сделали блестящий ход. Воспользовавшись опасениями, которые китайское руководство испытывало в отношении СССР, они приняли историческое решение по сближению с Китаем. Эта шахматная комбинация привела к появлению стратегического треугольника, в котором США оказались в наиболее выгодном положении, заставив два коммунистических режима забыть об объединяющей их идеологии. Приходится только удивляться, почему теперь никто не обращает внимания на то, что нынешнее обострение отношений с Россией чрезвычайно невыгодно США и представляет серьезную угрозу для мирового порядка. За последние пятьдесят лет Пекин и Москва никогда не были так близки, как сейчас, что дает им возможность изменить мировой порядок по своему усмотрению.

Именно такого поворота событий Генри Киссинджер как раз и боялся большего всего. Логика его действий в 1971 году заключалась в том, чтобы обеспечить Соединенным Штатам преимущество за счет улучшения отношений с Россией и Китаем на фоне ухудшения отношений между этими странами. Теперь же все говорит о том, что нарастающие противоречия между Вашингтоном и Москвой будут весьма полезны Пекину. Обычно при анализе этой ситуации внимание уделяется историческим противоречиям и геополитическому соперничеству двух держав, но сближение Китая и России может быть в большей степени «браком по расчету», чем признает сейчас вашингтонская внешнеполитическая элита.

Введение США санкций против путинской России привело к развороту Москвы на Восток и, в частности, способствовало ее сближению с Пекином, хотя Россия и выступает тут в роли младшего партнера. Китай также уделяет все больше внимания евроазиатскому направлению. В долгосрочной перспективе будущее России связано с Азией. Многомиллиардные контракты с Китаем на поставку нефти и газа поддержат просевшую экономику России. Вместо соперника у Китая появляется весомый партнер по стабилизации и модернизации Евразии. Еще недавно Пекин считал этот регион непривлекательным, а теперь связывает с ним будущее своей экономики.

В основе китайской политики по продвижению на Запад, согласно концепции «Один путь, один пояс», лежит идея извлечения стратегической выгоды из наличия общей границы с четырнадцатью государствами, что некогда считалось уязвимым геополитическим звеном. Теперь все они стремятся претворить в жизнь концепцию Хэлфорда Маккиндера о евразийской «географической оси истории», с тем лишь исключением, что в нее может не войти Индия. И все это происходит на фоне экономического ослабления Евросоюза, когда сама идея единой Европы поставлена под вопрос, а ЕС все больше замыкается на решении своих внутренних проблем.

Успех евразийского партнерства, открывающий новые горизонты для экономического роста региона через развитие инфраструктуры и подавления угрожающего Москве, Пекину и Центральной Азии экстремизма, стал бы наглядным доказательством эффективности авторитарного (не западного типа) государственного капитализма. А заодно и образцом для подражания не только для азиатского

региона, но и для стран Африки и Латинской Америки, на рынки которых Китай уже активно проникает, финансируя там масштабные программы развития.

В некотором смысле такое партнерство уже существует. Китай обычно поддерживает инициативы России в ООН. Вместе они заблокировали решение о введении санкций против Башара Асада в Сирии, стремясь избежать повторения ливийского сценария, когда западная коалиция свергла режим Каддафи под прикрытием концепции «обязанность защищать»¹. По данным американской неправительственной организации Freedom House, отход от демократических принципов продолжается уже девять лет и ускорится в будущем. Ни Россия, ни Китай не скрывают, что предпочитают иметь дело с авторитарными режимами.

Россия будет и впредь принимать меры по укреплению Евразийского союза. Запущен процесс присоединения к ШОС Пакистана и Индии. После ухода США и НАТО из Афганистана страны региона явно почувствовали, куда дует ветер. Соединенные Штаты и их западные партнеры завязли на Ближнем Востоке, при этом продолжая гарантировать странам Центральной и Восточной Европы безопасность, согласно статье 5 устава НАТО.

Москве и Пекину удалось избежать конкуренции в стратегически важных областях в Центральной Азии, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Складывается впечатление, что между Китаем и Россией было заключено негласное соглашение о распределении обязанностей в регионе: Москва играет ведущую роль в том, что касается безопасности, тогда как Пекин наполняет страны Центральной Азии инвестициями и финансированием программ помощи. Успеху китайского проекта нового шелкового пути «Один путь, один пояс» должны также способствовать Банк развития БРИКС и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. В то же время Запад потерял интерес к Центральной Азии в связи с разворачивающейся в США сланцевой революцией и выходом на рынок новых стран, в частности, Ирака и Ирана. Запад обеспечен нефтью сполна и в меньшей степени зависит от внешних рынков. Развитие рынка СПГ и обнаружение запасов газа в восточной части Средиземного моря свидетельствует об окончании века крупных трубопроводов и восхождении стран-поставщиков за рамками ОПЕК.

Кроме того, повышенное внимание к странам Центральной Азии было связано с осуществлением контртеррористических мер. Для отправки в Афганистан своих солдат и вооружений Соединенным Штатам и их союзникам требовалось взаимодействие со стороны стран региона. К настоящему времени США существенно сократили свое присутствие в регионе и перешли на менее затратные методы борьбы с террористами, используя беспилотные летательные аппараты. В Пакистане и Афганистане им разрешается проводить такие операции без предварительного уведомления. Уход США дает Китаю возможность осуществить евразийский гамбит.

¹ Англ. *The responsibility to protect* – инициатива ООН, введенная в 2005, предполагает: предотвращение и прекращение геноцида, военных преступлений, преступлений против человечности, этнических чисток – прим. ред.

Глобальные последствия

Помимо сближения в Евразии, совпадение интересов Китая и России прослеживается и в других областях. Обе страны не приемлют ни лидерства США, ни демократию по-американски и выступают за создание многополярного мира. И Россия, и Китай реализуют национальную повестку, основанную на исторической и культурной идентичности. Обе страны противопоставляют модель авторитарного капитализма «вашингтонскому консенсусу», отвергают концепцию открытого интернета, продвигая принцип его, образно говоря, «балканизации», а точнее – дробления суверенитета. Страны подписали пакт по вопросам кибербезопасности.

Существенно расширилось военное сотрудничество. Недавно в Японском море были проведены крупнейшие совместные военные учения Китая и России с участием десятков боевых кораблей, подводных лодок, истребителей и тысяч морских пехотинцев, смысл которых должен быть понятен США.

Это заставляет серьезно задуматься о будущем глобального управления и происходящих в мире изменениях, худшим сценарием которых может быть возникновение новой биполярной системы, включающей, с одной стороны, Китай, Россию и ряд центральноазиатских авторитарных режимов, а с другой – Соединенные Штаты, ЕС, их азиатских союзников и партнеров. Такой расклад сил вряд ли будет способствовать миру и процветанию. Многие страны из числа бывших неприсоединившихся государств, в том числе Индия, Бразилия, Турция и Египет, окажутся между двумя противоборствующими блоками.

Российско-китайские противоречия

Впрочем, наблюдаются и другие тенденции. Если Россия попыталась отойти от глобальной экономики, частью которой она стала после распада СССР в 1991 году, Китай, напротив, сделал на нее ставку и разработал ряд реформ по переходу от инвестиционной экономики, ориентированной на экспорт, к инновационной модели с развитым потребительским сектором. Кроме того, говоря о Китае, следует учитывать соображения экономической целесообразности: товарооборот Китая с Соединенными Штатами, ЕС и Японией в 2014 году составил 1,4 трлн. долларов, тогда как объем торговли с Россией – всего 88 млрд. долларов. При этом в российско-китайских торговых отношениях наблюдается отрицательная динамика в результате замедления экономического роста Китая и экономического спада в России. Эти негативные тенденции, скорее всего, сохранятся до 2017 года.

Вероятно, ряд крупных сделок по нефти и газу, заключенных в последние годы, будут аннулированы или отложены. Снижение темпов экономического роста и спроса на энергоносители, падение цен на нефть и трансформация мирового газового рынка

способны изменить энергетическую стратегию Китая. Планы по осуществлению трубопроводных мегапроектов со временем могут потерять свою привлекательность.

В ходе визита Путина в Китай в мае 2014 года Газпром заключил тридцатилетний контракт на поставку газа, который, как говорили тогда, тянул почти на 400 млрд. долларов. Однако вопрос о цене на газ пока остается открытым. Поставки нефти в Китай снизились и не достигают согласованных объемов. Вместо 5 млн. тонн по договору, в 2015 году было отгружено 1,48 млн. тонн. Москва и Пекин так и не пришли к соглашению по вопросу об авансовых платежах, которые нужны России для строительства газопровода. Китай пока не выделил 25 млрд. долларов на строительство газопровода «Сила Сибири». Москва возлагала большие надежды на строительство газопровода, соединяющего Западную Сибирь с китайским рынком, который мог уменьшить зависимость России от Европы. Однако Китай пока не дал своего согласия на строительство газопровода «Алтай» и не спешит выделять аванс в 25 млрд. долларов на фоне перенасыщения мирового газового рынка и стремительного развития рынка СПГ.

Кроме того, Китай не проявил особого желания компенсировать России утечку капитала, возникшую в результате введения санкций. В 2014 году Пекин инвестировал в экономику России не более 1,6 млрд. долларов, тогда как утечка капитала, по экспертным оценкам, составляет 152 млрд. долларов. В прошлом году с Центробанком России было заключено соглашение о свопе на сумму 150 млрд. юаней, однако этот инструмент оказался невостребованным, поскольку предусматривал исключительно краткосрочное финансирование. Не менее важно для будущего России и то, что ситуация вряд ли улучшится в обозримом будущем. Западные санкции останутся в силе еще несколько лет, а спрос на сырье не выйдет на прежний заоблачный уровень даже после окончания спада в экономике Китая и оживления потребности в энергоносителях.

В то время как сырьевая российская экономика медленно, но верно устаревает, Китай находится на подъеме, претендуя на статус великой державы, играющей в Азии главенствующую роль.

Одним из основных товаров в российско-китайских отношениях с середины 1990-х годов были крупные поставки оружия, которые способствовали модернизации вооруженных сил Китая и обеспечивали России экспортную прибыль от отраслей, не принадлежащих к нефтегазовому сектору. Так, Россия поставила Китаю такие важные виды вооружений, как многофункциональные истребители Су-27, истребители Су-35, подводные лодки класса «Кило», а также шесть подводных лодок проекта «Лада». Недавно был заключен договор на продажу современных зенитных комплексов С-400 на 3 млрд. долларов. По расчетам Москвы, объем экспорта вооружений составит к 2020 году 20 млрд. долларов. Однако Китай все активнее осваивает проектирование военной техники, что скажется на объемах российского экспорта. Россия способствует восхождению мощной военной державы, способной составить конкуренцию на рынке вооружений.

Пекин обеспокоен вмешательством Москвы в дела бывших советских республик и поддержкой сепаратистских движений, например, на востоке Украины. Китай в принципе уделяет серьезное внимание вопросам суверенитета. Именно поэтому он не является

активным сторонником политики России на Украине. Если в США деятели типа Дональда Трампа пугают население нашествием латиноамериканцев, Россия с тревогой наблюдает за проникновением на Дальний Восток растущего числа выходцев из азиатских стран. Эта проблема имеет также и расовый подтекст. Кроме того, территориальные претензии Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях обосновываются соображениями исторического характера, а Китай при династии Мин претендовал на протекторат над значительной частью Дальнего Востока, пока в конце XVII века эта территория не была оккупирована Россией.

России осталось надеяться, что эскалация территориальных споров в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях между Соединенными Штатами и их союзниками и Китаем сблизят Пекин с Москвой. И Пекину станет ясно, насколько Вашингтон уважает его интересы на море.

Свидетельствуют ли эти тенденции о том, что дружеские отношения между Россией и Китаем могут оказаться не столь прочными, как считают некоторые аналитики? Возобладают ли исторически сложившиеся опасения и соперничество? Появится ли у Соединенных Штатов возможность воссоздать систему, похожую на стратегический треугольник Киссинджера?

Возможное будущее

Мы стоим на перепутье, и ситуация становится все более опасной. Впервые с окончания холодной войны наблюдается столкновение мировоззрений. Развитие российско-китайского сотрудничества может привести к формированию полюса власти вне западного мира, что приведет к мировому расколу. В дополнение к возрождению таких крупных держав, как Китай и Индия, появляется многочисленная когорта быстроразвивающихся «средних» стран (в частности, Бразилия, Индонезия, Иран, Нигерия, Южная Африка, Турция), которые играют все более важную роль в вопросах региональной безопасности и разработке принципов международных отношений. Эти страны, включая государства с демократическим строем (либеральным или нелиберальным) и авторитарным, выражают все большее недовольство политикой Соединенных Штатов и деятельностью созданных и контролируемых Западом институтов глобального управления, которые не претерпели практически никаких изменений с 1947 года.

В отсутствие равнозначных полюсов власти современный мир, при всей своей фрагментарности и хаотичности, не является многополярным в классическом понимании этого слова. Соединенные Штаты остаются единственной военной сверхдержавой. Их военный бюджет превосходит расходы на вооружения всех остальных стран мира вместе взятых. Однако итоги войн в Ираке и Афганистане показали, что одной военной

силы недостаточно для решения всех региональных проблем. Так, при помощи внешней военной силы невозможно обеспечить стабильность и модернизацию на Ближнем Востоке. Решение таких глобальных проблем, как искоренение бедности, борьба с болезнями и изменение климата требует не столько дипломатических договоренностей и военного вмешательства, сколько налаживания частно-государственного партнерства.

В этом постзападном мире западные нормы и идеи все чаще воспринимаются как угроза национальному суверенитету и ставятся под сомнение. В результате вопросы, связанные с ценностными категориями, например, продвижение демократии или концепция «обязанность защищать», вызывают активное неприятие не только в странах с авторитарным режимом, в частности Китае, но и в странах с недавно установленной демократией, стремящихся сохранить национальный суверенитет. После катастрофического вторжения НАТО в Ливии, которое проводилось исключительно на гуманитарных основаниях, маловероятно, чтобы Россия или Китай одобрили какие-либо подобные инициативы в Совете Безопасности ООН.

Несоответствие баланса сил, сложившегося на международной арене, распределению полномочий в многосторонних организациях вызывает протест у быстроразвивающихся стран и является препятствием на пути решения глобальных проблем. Многие страны способны без особых усилий блокировать глобальные инициативы, будь то Киотский протокол об изменении климата, Дохийский раунд переговоров в рамках ВТО или усилия ООН по выработке соглашения о прекращении производства ядерного топлива.

Создание альтернативных институтов, таких, как чиангмайская инициатива, появившаяся после азиатского финансового кризиса 1997–1998 годов², или учреждение Китаем Азиатского банка инфраструктурных инвестиций – все это лишь затрудняет международное сотрудничество в целях решения глобальных вопросов.

Развернуть назад стрелки часов миропорядка, в котором Запад продолжал бы играть центральную роль, представляется маловероятным. Будущее развитие событий невозможно предсказать, но можно рассмотреть три гипотетических варианта мироустройства.

Новая холодная война

Перефразируя знаменитую речь Черчилля 1946 года, можно было бы сказать: на мир опустился новый занавес, разделив его на США и их союзников и партнеров, с одной стороны, и аморфную коалицию Китая, России, центральноазиатских стран и других поддерживающих их государств – с другой. Ничего хорошего ни одной из сторон это не сулит.

² Тесная интеграция по формуле «АСЕАН плюс три страны»: Китай, Япония и Южная Корея – прим. ред.

Со временем Китай и Россия лишатся доступа к западным рынкам. Вероятность начала открытого противостояния возрастет на фоне ослабления механизмов международного сотрудничества, необходимых для борьбы с изменением климата и спасения недееспособных государств. При таком развитии событий, ситуация на Ближнем Востоке может выйти из-под контроля. Этот сценарий поставит под вопрос процесс глобализации и положит конец устойчивому росту мировой экономики, а нарождающийся средний класс в развивающихся странах Юга утратит свой потенциал и вновь погрязнет в нищете.

Лидерство Евразии

Успешное российско-китайское партнерство может стать образцом для новой модели развития – авторитарного государственного капитализма, независимого от Запада. Со временем российско-китайский тандем перерастет в новую модель незападного мироустройства. При участии России и Китая ШОС способна стать основной региональной организацией Азии, оставив позади созданное под контролем США Транс-Тихоокеанское партнерство. Активное сотрудничество в рамках ООН, организаций Бреттон-Вудской системы и ВТО позволит повысить эффективность этих институтов и обеспечить решение задач, стоящих перед странами-членами в других регионах.

При таком сценарии следует ожидать не столько полного примирения США и Китая, сколько создания системы, которая будет регулировать конкуренцию и обеспечивать стабильность. Проведение рыночных реформ в Китае потребует разрядки напряженности в его отношениях с Западом. Аналогичную политику придется проводить России, чтобы обеспечить снятие западных санкций в интересах экономического развития, при концентрации основных усилий на азиатском направлении. Региональное сотрудничество будет развиваться до тех пор, пока интересы России и Китая не придут в противоречие в Центральной Азии.

Новый глобальный пакт

Менее вероятным, но более благоприятным вариантом было бы заключение нового «глобального пакта». Для этого США и Китай должны вывести отношения на новый уровень, оставив позади нынешнее стратегическое соперничество, и разработать новую модель отношений ведущих держав. Снижение напряженности в отношениях

с США и Западом предоставило бы Китаю возможность продолжить рыночные реформы и избежать попадания в «ловушку среднего дохода». Не отказываясь от своих интересов в Азии, Россия со временем пойдет на политическое и экономическое сближение с Европой для того, чтобы выработать условия сосуществования с НАТО. Европа и играющая в ней ключевую роль Германия ответят тем же, создав всеобъемлющую систему безопасности, которая будет учитывать интересы России и ее соседей.

Расширению сотрудничества между Западом, Россией и Китаем также может способствовать появление новых глобальных угроз, например, новый виток насилия на Ближнем Востоке. Так, если Иран не выполнит условий заключенного недавно соглашения, международному сообществу придется объединить усилия для предотвращения полномасштабного конфликта в регионе между Израилем и суннитскими государствами, с одной стороны, и Ираном и его союзниками – с другой. В качестве примера глобальной угрозы можно также привести применение ядерного оружия Индией и Пакистаном друг против друга.

Основой «глобального пакта» мог бы стать всеобъемлющий механизм по контролю над вооружениями и нераспространением, в рамках которого все ядерные державы будут вынуждены сотрудничать друг с другом. На этой основе будет реформироваться система международных организаций с усилением роли «группы 20» и придания ей статуса Совета Безопасности ООН. Возрастет влияние азиатских стран в Бреттон-Вудской системе. Функции по обеспечению реализации мирных соглашений на Ближнем Востоке и в Южной Азии будут возложены на международные миротворческие контингенты. Командование и координация действий может осуществляться совместно НАТО, Народно-освободительной армией Китая, а также военными Индии и России.

Мяч – на стороне США

Двигается ли мир к новой, чреватой проблемами биполярной модели, или в направлении всеобъемлющего, глобального миропорядка? Ответ на этот вопрос не в последнюю очередь зависит от действий Соединенных Штатов. Единого центра власти в мире нет, и ни одна страна не может самостоятельно определять ход событий.

Это потребует от США большей гибкости и прагматизма, а также отказа от однополярного мышления. Америка должна осознать, что многополярность мира возрастает. Чтобы возглавить этот процесс, Вашингтону нужно наладить хорошие отношения с другими участниками. В американских внешнеполитических кругах многие полагают, что про Россию можно забыть. Следуя логике биполярного мира, на смену России приходит новый достойный соперник в лице Китая. Теперь Китай является угрозой для амбиций США в Тихоокеанском регионе, и поддерживать связь нужно только с ним, несмотря на

растущие осложнения в отношениях. Однако урок глобализации заключается в том, что в условиях размытости центров власти в мире следует принимать в расчет позицию не только ведущих, но и других, менее могущественных государств.

США, как никакая другая страна, вправе находиться в центре системы международных отношений, если того пожелает. Китай и Россия не обладают той «мягкой силой», с помощью которой США привлекают сотни тысяч студентов со всего мира в свои престижные университеты. Однако даже такой могущественной стране, как США, не под силу делать из некоторых стран изгоев. В итоге, хуже от этого становится только самой Америке. Страх перед действиями США по свержению существующего режима в Иране и Северной Корее заставил эти страны заняться разработкой ядерного оружия.

Разработка новой модели взаимоотношений с Россией может потребовать серьезных компромиссов. Все кандидаты в президенты США будут критиковать политику России и Китая, упустив возможность поговорить о стратегии США в условиях меняющегося мира. Остается только мечтать о том, чтобы вернуться в 1971–1972 годы. Но машина времени – по описанному Жюлем Верном прототипу – в Кремниевой долине пока не построена. СМИ и заявления различных политиков не дают возможности осознать всю сложность мировых перемен. Началась новая «большая игра». И США в ней на сегодняшний день проигрывают.

#Valdaiclub

 Valdai Club

 Valdai International
Discussion Club

www.valdaiclub.com

valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ